

Н.В. Тищенко

МЕТАФОРА ТЮРЬМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Предметом исследования статьи является метафора тюрьмы в российском политическом дискурсе. Демонстрируется важность метафоры в политических высказываниях и намечается динамика метафорических предпочтений в современном российском политическом дискурсе. Выявляются культурно-исторические и философские причины связи дискурса власти (как официальной, так и оппозиционной) с высказываниями, характерными для тюремной культуры, определяются социальные и культурные последствия подобного взаимодействия. В ходе анализа материала литературных и философских текстов обнаружены два типа интерпретации тюремной культуры, характерные для русской культуры, и чье влияние прослеживается в современном политическом дискурсе. Обосновывается методика выделения политической метафоры, классификация метафор, выявляются метафорические модели, с помощью которых интерпретируется современная политическая реальность. На примерах выступлений политических фигур XX-XXI вв. выявляются типичные способы высказывания, в рамках которых используется тюремная метафора. Новизна статьи заключается в постановке целого ряда дискуссионных проблем, связанных с историко-культурными предпосылками формирования разнообразных типов политического дискурса, причём не только российского, но и зарубежного, пытающегося интерпретировать российскую действительность. Определяются различные стратегии применения тюремной метафоры в политическом дискурсе в зависимости от исторических реалий и идеологических установок. В результате выявляется динамичный характер метафоры тюрьмы, которая представляет собой постоянно варьирующуюся конструкцию: от использования жаргонной и арготической лексики до эксплуатации образа осуждённого.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора, методика исследования, высказывание, тюрьма, тюремная культура, образ осуждённого, права человека, идеология, политический деятель.

Abstract. The subject of this research is the prison metaphor in the Russian political discourse. The importance of metaphor in political statements and the dynamic of metaphoric preferences in the modern Russian political discourse are being demonstrated. The author determines the cultural-historical and philosophical aspects of the connection between the discourse of authority (both, official and oppositional) and the statements characteristic for prison culture; the social and cultural consequences of such interaction are also being detected. During the analysis of the literary and philosophical texts, two types of interpretation of the prison culture characteristic for the Russian culture, as well as their influence in the modern political discourse, are being detected. The author substantiates the methodology of defining the political metaphor, classification of metaphors, as well as distinguishes metaphorical models, which help interpreting the modern political reality. On the examples of speeches of the political figures of the XX-XXI centuries, the author emphasizes the typical ways of expression, within the context of which the prison metaphor is being used. Scientific novelty consists in challenging an entire list of debatable issues associated with the historical-cultural prerequisites of the formation of various types of political discourse, including foreign which attempts to interpret the Russian reality. The author defines the various strategies of application of a prison metaphor within political discourse, depending on its historical realities and ideological orientations.

Key words: Political figure, Ideology, Human rights, Image of prisoner, Prison culture, Prison, Statement, Methodology of research, Metaphor, Political discourse.

Введение

Современная политическая реальность с позиции стороннего наблюдателя представляет собой совокупность разнообразных политических речей. Выступления политиков, общественных деятелей,

мнения экспертов, политические новости, повседневные разговоры о политике – вот неполный список вербальных практик, воплощающих собой политическую реальность для обывателя. Здесь можно вспомнить и популярные во многих странах предвыборные телевизионные дебаты, обращения

глав государств к нации, прямые телевизионные трансляции выступлений политиков и многие другие примеры. Политическое действие планомерно вытесняется политической речью. Зачастую последствия от политических высказываний оказываются в разы значительнее и масштабнее, чем последствия от конкретных политических решений. Например, последние решения Европарламента в области миграционной политики – это вынужденная реакция на высказывания ведущих политических фигур в Европе [1].

Причины подобной демагогизации политической сферы кроются в специфике современной культурной ситуации, которая характеризуется высоким уровнем симуляции реальности. В отношении политической жизни Ж. Бодрийар этот процесс обозначал с помощью понятия «трансполитика» [2, с. 88-92]. Однако в данной статье будет преследоваться не онтологическая цель – разобраться в причинах демагогизации политической действительности, – а функциональная – выявить особенности используемых в отечественном политическом дискурсе метафор.

Прежде, чем перейти непосредственно к исследованию необходимо оговориться, что именно в работе подразумевается под понятием «политический дискурс». В статье речь пойдёт о дискурсе как коммуникативной структуре в сфере властных отношений, поэтому объектами исследования выступают высказывания политиков, общественных деятелей. «Политический дискурс» необходимо отличать от «политологического дискурса», т.к. последний относится уже к исследовательской структуре и не имеет своей целью конструирование политической реальности, а направлен на формирование различных способов её интерпретации [3, с. 158-159].

Роль метафоры в политическом дискурсе и способы её исследования

Одной из базовых функций политической речи является конструирование определённого образа политической реальности в сознании обывателя [4, с. 387-415]. И важным средством формирования нужного для конкретных политических сил образа является метафора, которая позволяет сложную систему политических знаков и кодов расшифровать в доступной для населения форме. Даже беглый взгляд на систему метафор, применяемых политиками в разных странах, указывает на то, что всегда используется наиболее употребляемый в каждой культуре тип метафор. Кроме того, метафора может быть и эффективным средством

для манипулирования общественным сознанием, с чьей помощью завуалируется недопустимая с этической или даже законной точки зрения ситуация [5, с. 463-481]. Так с помощью метафоры «войны» советский политический дискурс скрывал от населения противостояния и конфронтации внутри политической элиты, а в ряде современных государств с помощью той же метафоры официальная власть пытается скрыть серьёзные внутренние экономические проблемы. Начиная со второй половины XX столетия и по сей день, самые различные политические деятели США на фоне участия в многочисленных военных операциях по всему миру используют исключительно метафору «мира», отказываясь принципиально использовать прямое указание на военные действия. Подобный ход также можно интерпретировать как стратегию манипулирования, в процессе которой недопустимая с точки зрения международного права и общественного мнения агрессивная политическая концепция репрезентируется не просто в качестве возможной и оправданной, а в качестве идеальной стратегии по распространению идей гуманизма и справедливости. Одним из ярких примеров игры метафор «мира» и «войны» служит высказывание президента США Джорджа Буша-младшего, прозвучавшее во время его выступления в Министерстве жилищного строительства и городского развития США, 18 июня 2002 г.: «Я просто хочу, чтобы вы знали, что когда мы говорим о войне, мы на самом деле говорим о мире» [6, с. 143]. Переведя высказывание из дискурсивного пространства в поле действия, получается – «когда мы ведём военные действия, мы утверждаем мир». Нельзя здесь не провести параллель с римским афоризмом «Si vis pacem, para bellum», с той лишь принципиальной разницей, что для Древнего Рима это высказывание выражало условную модальность «возможное», а в современном политическом дискурсе США – безусловную модальность «обязательного».

Специальные исследования показывают, что наиболее часто употребляются в политическом дискурсе следующие метафоры: «война», «криминал», «болезнь», «человеческое тело», «животные», «растительная метафора», «техника», «дом», «дорога», «семья» [7, с. 38-53]. Так же одной из самых распространённых конструкций, характерных для современных политических дискурсов, как отечественных, так и зарубежных, является спортивная метафора, позволяющая одновременно акцентировать внимание на собственных достижениях («победитель в гонке», «абсолютный чемпион», «рекордсмен», «командная игра») и в наименее выгодном свете представить поведение политиче-

ского оппонента («разменная пешка», «рокировка сил», «аутсайдер»). Кроме того, сами политические действия концептуализируются в контексте спортивных мероприятий: «предвыборная гонка», «старт» и «финиш» политической кампании, «политический нокаут» и т.д. Использование спортивной метафоры в политическом дискурсе характерно для стабильных и социально предсказуемых периодов, тогда как метафоры «войны» или «болезни» знаменуют сложные процессы как внутри политической элиты, так и в обществе в целом, способные привести к серьёзным политическим и социальным трансформациям. Кроме того, использование спортивной метафоры можно интерпретировать как некую сублимацию военной метафоры, когда политическая и социальная обстановка позволяет рассматривать оппонента как «соперника», но не как «врага» [8, с. 80-86].

Даже краткий обзор используемых политическим дискурсом метафор показывает, что их применение приветствуется даже в тех случаях, которые требуют предельной ясности: реакции на важные международные или внутренние события, предвыборные программы, обращения к нации и прочее. Интенсивность использования того или иного типа метафоры в политическом дискурсе зависит, во-первых, от стремления политических сил скрыть текущую политическую ситуацию; во-вторых, от попыток создать специфические образы политической власти.

Принципиальное значение имеет методика анализа метафор в политическом дискурсе. Условно можно выделить три базовых этапа в проведении соответствующего исследования. Первый этап подразумевает выделение ключевых знаков (слов, словосочетаний, пропозиций и пр.), характеризующих ту или иную метафорическую область. Второй этап включает выявление коннотаций, которые расшифровывают, декодируют ключевые знаки для определённых социальных групп. Третий этап связан с анализом типов мировоззренческих позиций, которые формируются при декодировании различных метафор. Основная цель предложенной методики заключается не только в выявлении частоты встречаемости той или метафоры (количественный анализ), а скорее в определении типичных «картин мира», которые политический дискурс использует при использовании метафоры.

Применяя эту методику можно констатировать, что российский политический дискурс последних двадцати лет демонстрирует смену нескольких метафорических предпочтений, что, несомненно, связано с изменениями в социальном сознании, мировоззренческих позициях и картине

мира в целом. Метафора «строительства» (перекочевала из позднего советского периода), характерна для 90-х гг. XX столетия и активно использовалась представителями официальной власти и оппозиции с несколько отличными от советского периода коннотациями, где денотат «перестройка» заменяется денотатом «разрушение и абсолютно новое строительство». Примерами таких высказываний могут служить и фразы из предвыборных программ – «Я не заставлю вас *строить* ничего, кроме собственного счастья (В.В. Жириновский)» [9] – и концепты из общественно-философских размышлений – «На *гнилом фундаменте рухнет* наше государство (А.И. Солженицын)» [10].

Так как идея позитивной стройки сопровождается в тот период идей разрушения и необходимостью новых и социальных, и политических, и правовых конструкций, то достаточно активно используется метафора «болезни», характерная в большей степени для оппозиционных сил. Причём метафора «болезнь-здоровье» используется как в явно негативном смысле – «Коммунизм – это *педикулез*. Он появляется от бедности» (Г.А. Явлинский), «Мне не понятно, почему для вождения всего-навсего автомобилем справка о душевном здоровье требуется, а государством у нас с безжалостной регулярностью управляют люди, чьё *клиническое безумие* заметно и невооружённым глазом» (И.М. Хакамада), – так и в позитивном значении: «Мой голос за умную, *здоровую*, развивающуюся Россию» (Г.А. Зюганов).

В начале 2000-х гг. появляется наукоёмкая метафора, характерная для нового поколения политиков: «Я считаю *инновационную работу* первичной политической задачей, она предшествует партстроительству, она предшествует выборам,...» (В.Ю. Сурков), «Искусство политика заключается в том, чтобы принимать максимально сдержанные, аккуратные, тонкие, *интеллектуальные*, интеллигентные решения» (Д.А. Медведев). Но, пожалуй, одной из самых часто используемых метафор в современном российском политическом дискурсе является метафора спорта, получившая распространение в России и благодаря вполне конкретным событиям (подготовке и проведению международных спортивных мероприятий), и планомерно проводимой культурной политике, в которой спорт выступает важнейшим механизмом. Причём можно отметить как минимум две функции, возложенные на спорт в современной идеологической системе. Во-первых, с помощью спортивной метафоры выражается идея национального единства, во-вторых, – формируется позитивный образ современного российского государства в масштабах мировой культурной политики.

Таким образом, можно заключить, что трансформация метафор в российском политическом дискурсе указывает на симптоматичную смену идеологических конструкций: от метафоры разрушения и ожидаемого последующего переустройства (метафоры «строительства», «болезни») к метафорам стабильности и совершенствования уже имеющегося позитивного политического облика (метафоры «наукоёмкости» и «спорта»).

Специфика использования метафоры тюрьмы в российском политическом дискурсе

Однако в российском политическом дискурсе существует крайне неоднозначная метафора – метафора тюрьмы, с чьей помощью и российская политическая элита интерпретирует реальность, и зарубежные политические дискурсы интерпретируют политическую реальность в России. Структура метафоры тюрьмы достаточно сложна и включает непосредственно жаргонные слова, пришедшие в общеупотребительную речь из тюремной культуры, а так же образ тюрьмы как символического пространства, в рамках которого через череду испытаний (как физических, так и нравственных) происходит формирование определённого типа индивида.

Ещё в XIX в. в России сформировались два противоположных способа интерпретации мест лишения свободы и их обитателей. Первый способ можно назвать «юридическим», в рамках которого использовались следующие базовые понятия – пенитенциарная система, осуждённый, законность и т.д.; его носителями были представители судебной власти, исследователи, юристы. Этот способ интерпретации видел в местах лишения свободы инструмент официальной власти для поддержания общественного порядка, поэтому речь здесь велась, прежде всего, о соблюдении законности, о санитарных условиях и нормах содержания. Главная задача «юридического» дискурса заключалась в определении легитимности субъектов наказания (суды, сотрудники мест лишения свободы), объектов наказания (преступники) и способов наказания [11; 12; 13]. Второй способ интерпретации – «символический» – характерен для таких структур как искусство (литература), философия. В данном случае места лишения свободы наделяются глубоким онтологическим и, подчас, сакральным смыслом, в которых происходит становление личности, обладающей уникальным жизненным опытом и знаниями. Именно наличие подобного типа интерпретации, представленного в текстах Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, П.А. Кропоткина, А.П. Чехова, А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, Е.С. Гинзбург и

других авторов создаёт многослойность метафоры тюрьмы в российской культуре вообще и в политическом дискурсе в частности. Здесь понятия, с помощью которых определяются места лишения свободы, лишены какого-либо юридического статуса, и отсылают к экзистенциальным, метафизическим и сакральным феноменам: «мир отверженных», «мёртвый дом». Образы тюрьмы и осуждённого не наделяются исключительно положительными или негативными чертами в данном дискурсе. Особенности социальной обстановки мест лишения свободы, которые является сосредоточением многочисленных и разнообразных примеров асоциального и аморального поведения, создают возможность для формирования уникального типа личности. Конечно, любой преступник, оказавшись в тюрьме, на каторге и пр. не становится героем и поборником истины. Но связь таких понятий как «истина», «свобода» и «справедливость» со страданиями, которые в условиях тюремного заключения неизбежны и максимально выражены, для представителей этого дискурса очевидна. Кроме художественной культуры подобный дискурс характерен и для повседневных установок.

Этот специфический взгляд на тюремное пространство оказывается в XX в. объектом многочисленных как теоретических, так и идеологических спекуляций, утверждающих, что в России «многие граждане проявляют удивительную снисходительность к преступникам, ищут и находят для них всевозможные оправдания, искренне считают, что в “этой стране” невозможно жить в гармонии с законами, поскольку, как известно, строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения» [14, с. 96]. Подобные утверждения – это примеры смешения юридического и символического типов высказывания о местах лишения свободы, которые противоположны друг другу и даже взаимоисключают друг друга. С точки зрения «юридического» типа высказывания, места лишения свободы – это область торжества закона, где преступность нивелируется посредством опять-таки законных способов воздействия (наказания). А «символическая» интерпретация тюрьмы видит в ней пространство экзистенциального испытания, где потеря социальной и правовой свободы может привести к обретению высшей формы свободы – свободы духовной. Очевидно, что эти два толкования тюрьмы функционируют в различных смысловых плоскостях. Смешение это чрезвычайно симптоматично, т.к. с его помощью подчёркиваются следующие клише в отношении русской культуры: слабая правовая культура, неразвитость гражданского общества, размытые представления

о законности и пр. Но, с другой стороны, наличие символической традиции интерпретации тюрьмы, позволяет политическому дискурсу и по сей день использовать метафору тюрьмы как одну из самых действенных и эмоционально органичных для восприятия российским электоратом.

Происхождение символического типа высказывания о тюрьме и тюремной культуре может иметь несколько интерпретаций. Г.Л. Тульчинский предполагает, что перманентная социальная нестабильность, характерная для российской действительности формирует социальный и культурный миф об «идеальных» порядках криминального (или тюремного общества), которые якобы более эффективны, чем официальные законы и правила [15]. Конечно, постоянные трансформации, вызванные как внешними, так и внутренними причинами, создают специфическую форму общественного восприятия закона, который всегда носит форму «запаздывающего», «устаревшего», «неадекватного». Подтверждение тому можно обнаружить и в общественных дискуссиях XIX столетия, и в многочисленных обсуждениях современного законодательства (пожалуй, только в советский период, исходя из определённых идеологических установок, не допускалась критика законотворческой деятельности). Поэтому возникает потребность в поиске идеальных законодательных конструкций, недостижимых в повседневной жизни, и, как следствие, рождение социальных мифов о сообществах, где функционируют «правильные» законы, регулирующие повседневную жизнь в соответствии с принципом справедливости. И одним из таких сообществ становится тюремная культура.

Несомненно, что социальная и политическая нестабильность, характерная для российской действительности, провоцирует формирование многих социальных мифов и способствует социальной и политической легализации маргинальных групп, в том числе и преступных. Однако объяснение Г.Л. Тульчинского требует дополнения и уже не исторического характера, а скорее, культурологического плана. Ведь существует немало культур, в которых динамичность процессов приводит к перманентной нестабильности всех структур – экономики, политики, социальной сферы и, как следствие, системы ценностей и мировоззренческих позиций. Однако ни в одной культуре мы не столкнёмся со специфической интерпретацией тюрьмы, как пространства постижения истины, свободы и формирования морально и социально ответственного субъекта. Следовательно, помимо социальной нестабильности и способности маргинальных групп быстрее адаптироваться к измене-

ниям есть какое-то ещё условие, способствовавшее формированию символического типа высказываний о тюрьме.

Специфика русской культуры выражается, в том числе, в синкретической способности сочетать противоположное и через противоположности формулировать определения и базовые характеристики действительности [16]. Эта черта присуща не только образцам художественной или философской мысли, но и повседневной культуре. Разнообразные социально-антропологические исследования отмечают неизбежную связь удовольствия и страдания, добра и зла в повседневных практиках. Так традиции распития спиртных напитков или особенности восприятия денег в повседневной культуре непосредственно связаны с идеями «греха» и «просветления», «падения» и «очищения». Но самое главное, что любая повседневная практика бессмысленна, если она не связана со страданием. Именно страдание придает смысл повседневным действиям. Поэтому культура питья – это обязательно распитие крепких спиртных напитков, причиняющих физические страдания, доводящих до полного морального падения, и преодоление зависимости символизирует духовное возрождение, которое становится актуальным и возможным только после падения [17, с. 112-133]. Схожую интерпретацию накопления денег предлагает другое исследование, согласно которому деньги – это абсолютное зло и страдание для тех, кто ими обладает («Плюшкин – прореха на человечестве»), а преодоление страдания и обретение самости заключается в освобождении от богатства [18, с. 78-84].

Тюрьма, рассматриваемая с позиции идеи страдания, такой же амбивалентный объект, как алкоголь, деньги, или любой другой артефакт повседневности. Пребывание в тюрьме и ожесточает, и просветляет. При определённых обстоятельствах тюремный быт является источником маргинализации и социальной гибели личности, а в других условиях тюрьма – это место формирования подлинно моральной индивидуальности. Синкретичность тюремного пространства провоцирует абсолютно противоположные определения, когда В.Т. Шаламов заявляет, что «лагерный опыт абсолютно негативен» [19], а А.И. Солженицын пишет: «Благословение, тебе тюрьма!» [20, с. 356]. Поэтому и арготическая лексика интерпретируется как знак неприемлемого языка, но и, одновременно, как тот тип высказывания, с помощью которого даётся максимально подлинная оценка, определяется истинное положение дел. Политический дискурс где-то умело, а где то и неуместно, использует эту специфическую метафору.

Способы анализа метафоры тюрьмы в политическом дискурсе

Метафору тюрьмы можно анализировать как минимум с трех позиций:

1. Самый очевидный способ анализа заключается в подсчёте частоты использования метафоры тюрьмы и жаргонизмов в выступлениях российских политиков и общественных деятелей. Показательным является тот факт, что в современном отечественном политическом дискурсе распространено употребление жаргонных глаголов и глагольных форм («мочить», «достать», «тюкнуть», «лажать», «косячить» и пр. [21, с. 64-79]). Выражение действия посредством блатных жаргонизмов свидетельствует о функциональной значимости тюремной метафоры в политическом дискурсе. Действие и производимый им социальный эффект оказываются важнее, чем смысл. В результате, политический дискурс отказывается от символического определения тюрьмы, как сакрального пространства, но и игнорирует нормализующий, юридический способ интерпретации мест лишения свободы. Высказывания политического дискурса располагаются в области, принадлежащей чуждой и агрессивной по отношению к официальной власти культуры – тюремной субкультуре.

Причины употребления метафоры тюрьмы в функциональном значении кроются в сложном переплетении в условиях российской действительности последних двух столетий тюремной культуры и политического оппозиционного дискурса. В силу того, что одним из распространённых способов взаимодействия власти с оппозиционными структурами были ссылки, каторги, а затем лагеря и тюрьмы, к середине XX столетия под воздействием тюремной культуры и «символической» интерпретации тюрьмы формируется специфический оппозиционный дискурс. Кульминационный момент возникновения и распространения нового политического дискурса, несомненно, приходится на вторую половину XX столетия. Тогда произошло сопряжение в социальном сознании восприятия тюрьмы как «изнанки человеческого бытия» [22, с. 82] с идеей о тюрьме как идеально функционирующей системы в противовес законному порядку: «Очень многое в правильных понятиях на воле может показаться диким, жестоким, бессмысленным. Но я, прошедший эту школу, могу сказать: тот образ жизни, который подчинён правильным понятиям, легче и разумнее предписанного властями» [23, с. 180]. Спецификой этого способа репрезентации властных отношений становится интерпретация тюрьмы уже не как сакрального пространства, а

как неотъемлемой части политической реальности: «Арестованным быть – признание государством твоих заслуг» [24, с. 76]. И при всех многочисленных попытках отгородиться от влияния уголовной тюремной среды оппозиционный политический дискурс не сумел избежать определённого влияния, которое, прежде всего, проявилось в использовании разнообразных жаргонизмов. В начале XXI столетия политический дискурс, как оппозиционный, так и официальный принимают жаргонизмы не только как органичную часть политической культуры, но и как культурную традицию в целом: «Ненормативная лексика – это часть нашей культуры, и мы её используем иногда. Тихо» (Д.А. Медведев).

Здесь, конечно, необходимо оговориться, что использование метафоры тюрьмы политическим дискурсом совершенно не связано с официальной интерпретацией функционирования пенитенциарной системы: говоря о реально существующих местах лишения свободы, политический дискурс всегда применяет терминологию, соответствующую концепции наказания и исправления (высказывания сотрудников ФСИН, например). Но в данном случае речь идёт об использовании именно метафоры тюрьмы в интерпретации политической действительности и общественной жизни как таковой.

2. Следующий способ анализа заключается в выявлении особенностей интерпретации российского (советского) политического дискурса с помощью метафоры тюрьмы со стороны зарубежных политических дискурсов. Применение подобной метафоры к отечественному политическому дискурсу активизируется с 1940-х гг. XX в. Сравнение СССР с лагерем, тюрьмой можно обнаружить на агитационных плакатах, распространяемых нацистскими оккупантами в годы Великой Отечественной Войны, а затем та же метафора («тюрьма народов», «империя зла») будет настойчиво повторяться западными (прежде всего британским и американским) политическими дискурсами в отношении СССР вплоть до его развала [25, с. 56-62]. Наиболее употребительной в отношении современной России со стороны западных политических дискурсов является метафора криминала. Показательно, что данный способ репрезентации российской действительности вообще характерен для западной культуры. Средства массовой информации, кинотексты, литература, формируя образы России, обязательно будут эксплуатировать три взаимосвязанные в западном дискурсивном пространстве метафоры: криминал и пьянство и социальная агрессия. Настойчивое использование негативных метафор в отношении российской действительности

сти указывает на наличие очень серьёзных противоречий между западной и российской культурами, между системами означивания и культурными кодами, характерными для этих культур.

Западная культура в рамках принятых смысловых контекстах не может адекватно для себя объяснить большинство явлений российской культуры. Как результат этой когнитивной неспособности – негативная оценка и никакие требования культурной толерантности и политкорректности не работают, когда западные дискурсы интерпретируют российскую культуру. Для западной культуры непонятны мировоззренческие установки – «тюрьма как сакральное пространство», «страдание как обретение самости» и пр. – поэтому западные политические дискурсы используют в отношении России криминальную метафору, указывая на то, что криминал является органичной частью российской повседневной культуры. Хотя это явный идеологический ход. Если говорить о тотальном распространении криминальной культуры, то подобное положение дел скорее характерно для стран Латинской Америки, где такие понятия как «бедность» или «преступление» имеют богатую культурную традицию, которая также не вписывается в контекст европейских ценностей. Но и восприятие тюрьмы в латиноамериканской культуре отличается от российского: места лишения свободы интерпретируются здесь скорее, как «преграда», прерывающая криминальную деятельность, которую необходимо «преодолеть», а не как социальные пространства, способствующие повышению социального статуса и приобретению уникального опыта.

В начале 2000-х гг. использование метафоры криминала западным политическим дискурсом было несколько завуалированным, но интенсифицировалось в 2012 г. благодаря судебному процессу между Б.А. Березовским и Р.А. Абрамовичем, в ходе которого неоднократно подчёркивалась именно криминальная составляющая как российской экономики, так и политической системы в целом. Сейчас можно наблюдать очередной всплеск применения криминальной метафоры в западном политическом дискурсе – это и заключение по делу А.В. Литвиненко, и доклад о коррумпированности руководства РФ. В силу того, что новый этап распространения криминальной метафоры последовал за принципиальным ухудшением отношений между Россией и западными странами, после осуществления политических решений, которые не соответствуют интересам политических элит большинства западных стран, можно заключить, что криминальная метафора – это распространён-

ный идеологический инструмент, который на протяжении достаточно долго времени эксплуатируется западным политическим дискурсом.

3. Третий срез анализа метафоры тюрьмы связан уже с исследованием не источников политического дискурса, а российской современной действительности в целом и исходит из допущения, что в российском общественном сознании метафора тюрьмы воспринимается как неотъемлемая часть политического дискурса и политического действия как такового. Дело в том, что использование тюремной метафоры оказывается наиболее удачной стратегией в смысле воздействия на электорат. И здесь наблюдается трансформация уже самого содержания тюремной метафоры. Совершенно необязательно использовать устойчивые выражения, сленг и пр., достаточно соотнести общественного или политического деятеля с таким явлением, как тюрьма (задержание, следственные действия, домашний арест и т.д.). Э.В. Лимонов, М.Б. Ходорковский, С.С. Удальцов, А.А. Навальный, участники «Болотного дела», Н.А. Толоконникова – вот далеко неполный список общественно известных лиц, эксплуатирующих (или эксплуатировавших) образ тюрьмы и осуждённого для поддержания своего политического статуса. Их высказывания могут быть интересны с точки зрения идеологической эксплуатации образа осуждённого/заключённого, с помощью которого общественные деятели пытаются получить общественное признание и поддержку, когда опыт взаимодействия с судебной системой или надзорными органами интерпретируется исключительно как нарушение прав и свобод гражданина и попытки государства нивелировать политических оппонентов. Любопытно, что сам карательный механизм и систему наказаний данные персонажи рассматривают как универсальные способы функционирования власти и обещают так же их применять в случае своего прихода к власти: «Когда-нибудь мы победим, и тогда посадим мы их» (А.А. Навальный).

Подобная стратегия имеет достаточно глубокие исторические корни в российской истории, но в современной политической и культурной ситуации претерпела принципиальную трансформацию. Для эффективного использования образа осуждённого как действенного оппонента официальной власти необходимо наличие другого устойчивого образа – а именно, государственного аппарата, который систематически нарушает права человека. Вопрос о правах человека как культурном явлении заслуживает отдельной статьи. В контексте этой работы необходимо отметить, что концепт «права человека» – это идеологический инструмент, кото-

рый зачастую направлен на достижение экономических, милитаристских и прочих целей политических элит, а не на качественное улучшение жизни различных групп граждан. Анализируя данные многочисленных опросов, посвящённых соблюдению прав человека в России, можно с большой долей уверенности заключить, что большинство опрошенных не фиксируют наличие существенных нарушений прав человека, связанных со свободой слова, волеизъявления, осуществления общественной деятельности [26; 27; 28]. Наибольшей критики со стороны населения подвергается положение дел с так называемым социальным блоком прав человека – правом на труд, на образование, медицинской обслуживанию и пр. Показательно, что исследовательские центры, которые предлагают зачастую совершенно противоположные результаты опросов относительно соблюдения прав человека в России (ВЦИОМ, ФОМ, Левада центр), солидарны в оценке данной ситуации. Эксперты различных организаций приходят к выводу, что подавляющее большинство населения в России не оценивают ситуацию в сфере гражданских прав как критическую. По данным различных центров процент населения, видящего угрозу политическим правам и свободам в современной России, составляет от 3 до 7 процентов [26; 27; 28]. Различия в оценке правовой ситуации и правовой культуры со стороны экспертных сообществ настолько разительны, что заставляют задуматься об идеологической составляющей этих высказываний [29]. Население страны, видимо, до сих пор является объектом пристального внимания различных идеологических систем, которые с помощью манипулирования концептом «права человека», пытаются повлиять на этот объект.

Но вернёмся к образу осуждённого как идеологического противника официальной власти. В силу того, что в обществе крайне слабо выражено представление о государстве как политическом агрессоре, то и образ политического осуждённого, противостоящего государственному аппарату, так же не получает широкой общественной поддержки. Несомненно, политзаключённый становится символом борьбы с официальной властью благодаря идеологическим мифам, сформированным в советскую эпоху, когда и в литературе (многочисленные биографии большевиков первого поколения), и в кинематографе («Страницы былого»,

1958; «Синяя тетрадь», 1964; «Побег на рассвете», 1976), и в изобразительном искусстве (В.Н. Басов. «В.И. Ленин среди крестьян села Шушенское»; А.А. Рылов «Ленин в Разливе») активно поддерживался образ первых большевиков, притесняемых царской властью и отправляемых в ссылку из-за своих убеждений. Затем уже во второй половине XX в. этот миф продемонстрировал свою амбивалентную структуру и поспособствовал разрушению советской идеологии – когда уже советская власть посредством уголовных наказаний изолировала и пыталась нейтрализовать идеологических противников. Все эти стратегии привели к смешению политической и тюремной культуры и сформировали образ осуждённого как символа борьбы с государственным волюнтаризмом, а не как индивида, представляющего угрозу обществу. Однако, на сегодняшний день, несмотря на многочисленные попытки реанимировать этот миф, данный образ является неэффективным. На примере формирования, разрушения и попыток реконструкции образа осуждённого в политическом дискурсе можно наблюдать процессы идеологизации и деидеологизации, которые используют различные политические силы в борьбе за власть [30, с. 155-161]. Специфика метафоры тюрьмы и образа осуждённого заключается в том, эти стратегии используются оппозиционным политическим дискурсом для борьбы за легализацию и признание, а официальный политический дискурс, напротив, стремится деидеологизировать образ осуждённого и применяет тюремную метафору как показатель эффективности и актуальности своих решений и действий.

Исследование использования метафоры тюрьмы в российском политическом дискурсе показывает, что данная метафора является не только одной из самых употребляемых, но и представляет собой постоянно варьирующуюся конструкцию. Можно наблюдать как идеологически разные типы дискурсов, применяя эту метафору, выстраивают диаметрально противоположные когнитивные ряды. Кроме того, изменения в применении этой метафоры связаны с социокультурными трансформациями, затрагивающими не только социальную, экономическую и политическую структуры, но и, что ещё более важно, затрагивающими, ценностные приоритеты, модели поведения и социальные и культурные паттерны.

Список литературы:

1. Баталов Р. Европа, куда тебя ведет «мамаша Меркель» // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 07.10.2015. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2015/10/evropa_kuda_tebya_vedyot_mamasha_merkel/.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

3. Нежданов Д.В., Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса // Полис. 2011. № 4. С. 158-170.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник / Под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
5. Lakoff G. Metaphor and War: The metaphor system used to justify war in the Gulf in Pütz, M. (ed.), Thirty Years of Linguistic Evolution. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 463-481.
6. Word P. Wisdom from the Oval Office. N.Y.: History Publishing Co LLC, 2013. 302 p.
7. Чудинов А.П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. Т. 6. С. 38-53.
8. Филиппова Н.Б. Спортивная метафора как сублимация спортивной метафоры (на материале политической коммуникации) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 130. С. 80-86.
9. Жириновский В.В. Почему я кандидат в президенты России // Российская газета. 18.03.2000. № 54. С. 18.
10. Солженицын А.И. наш дух сильнее гнетущего бытия // Лебедь: независимый альманах. 28.01.2001. URL: <http://lebed.com/2001/art2403.htm>.
11. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб.: Изд-во Л.Ф. Пантелеева, 1899. 179 с.
12. Козлов Хр.П. Числовые данные для нравственной статистики народа // Записки Императорского Казанского экономического общества. 1859. № 2. С. 27-89.
13. Ткачев П.Н. Статистические этюды (опыт разработки русской уголовной статистики) // Библиотека для чтения. 1863. № 10. С. 7-62.
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
15. Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл: Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. М.: Нобель Пресс, 2012. 144 с.
16. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
17. Плущер-Сарно А. Некодифицированные спиртные напитки в поэме В.В. Ерофеева «Москва Петушки» // Логос. 2000. № 4(25). С. 112-133.
18. Руднев В. Русские деньги // Логос. 2000. № 4(25). С. 78-84.
19. Шаламов В.Т. Письма. URL: http://www.modernlib.ru/books/shalamov_varlam_tihonovich/pisma_k_a_i_solzhenicinu/read_1.
20. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки лит. жизни. М.: Согласие, 1996. 687 с.
21. Надель-Червиньска М. Жаргонные элементы современного «новояза»: проблема культуры речи или уголовной психологии? // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 3(26). С. 64-79.
22. Крахмальникова З.А. Слушай, тюрьма! М.: ПИК, 1995. 150 с.
23. Абрамкин В.Ф., Чижов Ю.В. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. Красноярск: Восток, 1992. 192 с.
24. Евтушенко Е.А. Казанский университет. Поэма. Казань: Татарской книжное изд-во, 1971. 98 с.
25. Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия, 2007. 149 с.
26. Закон и порядок в государстве. Опрос «Левада-Центр». 2014. URL: <http://www.levada.ru/2014/12/22/zakony-i-poryadok-v-gosudarstve/>.
27. Права человека в России. Опрос Фонда Общественного Мнения. 2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10873>.
28. Религиозные чувства vs свобода слова. Опрос ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2901. 2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115347>.
29. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Российская газета. 2015. 7 мая. № 6667.
30. Гуревич П.С. Идеологизация и деидеологизация // Философия и культура. 2014. № 2. С. 155-161.

References (transliterated):

1. Batalov R. Evropa, kuda tebya vedet «mamasha Merkel'» // Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba. 07.10.2015. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2015/10/evropa_kuda_tebya_vedyot_mamasha_merkel/.
2. Bodriyar Zh. Prozrachnost' zla / Per. s fr. L. Lyubarskoi, E. Markovskoi. M.: Dobrosvet, 2000. 258 s.
3. Nezhdanov D.V., Rusakova O.F. «Politicheskii rynek» kak sistemoobrazuyushchaya metafora sovremennogo politologicheskogo diskursa // Polis. 2011. № 4. S. 158-170.
4. Lakoff D., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem // Teoriya metafori: sbornik / Pod red. N.D. Arutyunovoi, M.A. Zhurinskoi. M.: Progress, 1990. S. 387-415.
5. Lakoff G. Metaphor and War: The metaphor system used to justify war in the Gulf in Pütz, M. (ed.), Thirty Years of Linguistic Evolution. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 463-481.
6. Word P. Wisdom from the Oval Office. N.Y.: History Publishing Co LLC, 2013. 302 p.
7. Chudinov A.P. Strukturnyi i kognitivnyi aspekty issledovaniya metaforicheskogo modelirovaniya // Lingvistika. Byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2001. T. 6. S. 38-53.
8. Filippova N.B. Sportivnaya metafora kak sublimatsiya sportivnoi metafori (na materiale politicheskoi kommunikatsii) // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2011. № 130. S. 80-86.
9. Zhirinovskii V.V. Pochemu ya kandidat v prezidenty Rossii // Rossiiskaya gazeta. 18.03.2000. № 54. S. 18.

10. Solzhenitsyn A.I. nash dukh sil'nee gnetushchego bytiya // Lebed': nezavisimyi al'manakh. 28.01.2001. URL: <http://lebed.com/2001/art2403.htm>.
11. Dril' D.A. Ssylka vo Frantsii i Rossii. Iz lichnykh nablyudenii vo vremya poezdki v Novuyu Kaledoniyu, na o. Sakhalin, v Priamurskii kraj i Sibir'. SPb.: Izd-vo L.F. Panteleeva, 1899. 179 s.
12. Kozlov Khr.P. Chislovyye dannye dlya npravstvennoi statistiki naroda // Zapiski Imperatorskogo Kazanskogo ekonomicheskogo obshchestva. 1859. № 2. S. 27-89.
13. Tkachev P.N. Statisticheskie etyudy (opyt razrabotki russkoi ugolovnoi statistiki) // Biblioteka dlya chteniya. 1863. № 10. S. 7-62.
14. Chudinov A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2001. 238 s.
15. Tul'chinskii G.L. Svoboda i smysl: Novyi sdvig gumanitarnoi paradigmy. M.: Nobel' Press, 2012. 144 s.
16. Pelipenko A.A., Yakovenko I.G. Kul'tura kak sistema. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 376 s.
17. Plutser-Sarno A. Nekodifitsirovannyye spirtnyye napitki v poeme V.V. Erofeeva «Moskva Petushki» // Logos. 2000. № 4(25). S. 112-133.
18. Rudnev V. Russkie den'gi // Logos. 2000. № 4(25). S. 78-84.
19. Shalamov V.T. Pis'ma. URL: http://www.modernlib.ru/books/shalamov_varlam_tihonovich/pisma_k_a_i_solzhenicinu/read_1
20. Solzhenitsyn A.I. Bodalsya telenok s dubom: Ocherki lit. zhizni. M.: Soglasie, 1996. 687 s.
21. Nadel'-Chervin'ska M. Zhargonnye elementy sovremennogo «novoyaza»: problema kul'tury rechi ili ugolovnoi psikhologii? // Politicheskaya lingvistika. 2008. Vyp. 3(26). S. 64-79.
22. Krakhmal'nikova Z.A. Slushai, tyur'ma! M.: PIK, 1995. 150 s.
23. Abramkin V.F., Chizhov Yu.V. Kak vyzhit' v sovetskoi tyur'me. V pomoshch' uzniku. Krasnoyarsk: Vostok, 1992. 192 s.
24. Evtushenko E.A. Kazanskii universitet. Poema. Kazan': Tatarskoi knizhnoe izd-vo, 1971. 98 s.
25. Budaev E.V. Postsovetskaya deistvitel'nost' v metaforakh rossiiskoi i britanskoi pressy. Nizhnii Tagil: Nizhnetagil'skaya gos. sots.-ped. akademiya, 2007. 149 s.
26. Zakon i poryadok v gosudarstve. Opros «Levada-Tsentr». 2014. URL: <http://www.levada.ru/2014/12/22/zakony-i-poryadok-v-gosudarstve/>.
27. Prava cheloveka v Rossii. Opros Fonda Obshchestvennogo Mneniya. 2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10873>.
28. Religioznye chuvstva vs svoboda slova. Opros VTsIOM. Press-vypusk № 2901. 2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115347>.
29. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2014 god // Rossiiskaya gazeta. 2015. 7 maya. № 6667.
30. Gurevich P.S. Ideologizatsiya i deideologizatsiya // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 2. S. 155-161.